

**Новый ойратский источник
о происхождении джунгарских князей**
A New Oirat Source on the Origin of Dzungar Princes

В. П. Санчиров (V. Sanchirov)¹

¹ кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел истории, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: kigiran@mail.ru
Ph.D. in History (Candidate of Historical Sciences), Senior Research Associate, Department of History, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: kigiran@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматривается ойратское историко-генеалогическое произведение «Өөлдийн уг эх [түүх]» («Происхождение [история] элэских князей»), написанное на монгольском языке в XIX в. Оно представляет собой княжескую родословную живших в Северной Монголии (Халхе) элэтов или джунгаров, уцелевших после разгрома Джунгарского ханства войсками Цинской империи в 1755–1758 гг.

Сводный текст сочинения, опубликованный современным монгольским историком Ц. Цэрэндоржем на основе существующих его версий, содержит более полную генеалогию джунгарских князей, сообщение об обстоятельствах переименования горы Эрээн Хабирга, о происхождении имени Хара-Хула и другие интересные факты.

Ключевые слова: история ойратов, историко-литературное сочинение «Происхождение [история] элэских князей», джунгары.

Abstract. The article examines the Oirat historical and genealogical chronicle “Ööldiyn ug eh [tüüh]” (“The Origin (History) of Ööld Princes”) written in Mongolian in the 19th century. The chronicle is a princely genealogical table of Öölds or Dzungars that inhabited North Mongolia after they had survived the Qing conquest of Dzungaria and subsequent genocide of the Dzungars in 1755–1758.

The consolidated text of the chronicle published by the contemporary Mongolian historian Ts. Tserendorj on the basis of the existing versions contains a more detailed genealogical table of Dzungar princes as well as data about the circumstances that accompanied the renaming of Mount Ereen Khabirga, about the origin of the name Khara Khula and other interesting facts.

Keywords: history of the Oirats, historical and literary composition “The Origin (History) of Ööld Princes”, Dzungars.

Написанное на монгольском языке сочинение *Өөлдийн уг эх [түүх]* («Происхождение [история] элётских князей») представляет собой одну из княжеских родословных ойратов, а именно элётов, или джунгаров, некогда самой многочисленной этнической группы в Джунгарском ханстве (1644–1758). Однако в нем перечислены не все потомки элётских князей: в сочинении говорится только о происхождении и последовательности поколений князей лишь одного из двух элётских хошунов Северной Монголии — Южного хошуна Сайн-нойон-хановского аймака Халхи.

Эта сравнительно небольшая группа джунгаров оказалась там еще в конце XVII в., оставшись в Халхе во времена джунгарского правителя Галдана Бошогту-хана после его поражения в ойрато-халхаской войне. В дальнейшем в результате агрессивной внешней политики Цинской империи независимое ойратское государство Джунгарское ханство было уничтожено и почти полностью истреблены джунгары — основное население ханства. Уцелевшие джунгары официально стали именоваться элётами, а их прежнее название было упразднено цинскими властями [Eminent Chinese of Ch'ing Period 1943: 11].

Данный источник, хотя и хранился в фонде Монгольской национальной библиотеки, но до недавнего времени был мало известен исследователям. Их вводило в заблуждение еще и существование четырех рукописных версий этого сочинения под разными названиями, что исключало возможность их идентификации без тщательного и основательного изучения. Такую работу выполнил в недавнем прошлом монгольский историк Ц. Цэрэндорж, изучавший это сочинение в течение многих лет. После сличения всех версий с подлинником он опубликовал его со своими комментариями в т. 14 серии «Bibliotheca Oiratica» в Улан-Баторе в 2010 г. [Өөлдийн ноёдын уг эх 2010]. Эта его публикация включает:

1) обширное предисловие автора с библиографией, в котором излагаются результаты проведенного им исследования данного сочинения;

2) переложенный на кириллицу оригинальный сводный монгольский текст сочинения с комментариями автора-издателя;

3) фотокопию взятой за основу рукописи оригинала с разночтениями и поправками по двум другим спискам;

4) индекс слов;

5) приложение: биографию цзюнь-вана Арабтана из главы 77 «Илэтхэл шастир» и биографию тусалагчи гуна Данджилы из главы 78 «Илэтхэл шастир».

В начале сочинения помещены предисловие автора (*зохиолчийн үг*) и благопожелания (*тахил үг*). Автор сообщает, что он описывает, «сведя воедино обстоятельства и причины, кратко и правдиво все, что слышал и видел, то, что совпадает с содержанием исторических сочинений многих земель, добавив [сюда данные] из составленных по императорскому указу родословных и биографий». Свое имя он не указывает, но, как предполагает Ц. Цэрэндорж, он был, по видимому, знатным элетом из элетского Южного хошуна Халхи, написавшим свое сочинение в период между 1842–1886 гг. События изложены им только до 1761 г. в хронологическом порядке начиная с древности («от сотворения материального мира», по его словам). В самом сочинении отсутствует деление на разделы, поэтому издавший его Ц. Цэрэндорж в его содержании выделил 7 частей, дав им названия и указав, какое место в процентном отношении занимает каждая из них в тексте:

1. сотворение материального мира и образование одушевленных существ, населяющих мир (8 %);

2. возникновение царских родов (4 %);

3. рождение Будды (7,2 %);

4. распространение царского рода в Тибете (13 %);

5. распространение царского рода в Индии (6,4 %);

6. распространение родов ойратских князей (30,6 %);

7. принятие маньчжурского подданства князьями элётов (25,8 %) [Өөлдийн ноёдын уг эх 2010: 11].

Сочинение «История [происхождение] элётских князей», хотя и написано ойратским автором, но следует традициям монгольской средневековой историографии, свидетельством чему служит генеалогический принцип построения текста и содержащаяся в нем родоплеменная история. После обращения в буддизм монгольские авторы под влиянием тибетской историографии при написании

истории родного края начинали ее с изложения всеобщей истории в ее буддийском понимании и только затем переходили к рассказу о местной истории. Этого правила придерживается и анонимный автор сочинения, хотя он не самостоятелен в этом вопросе. Ц. Цэрэндорж установил, что с 1-й по 5-ю части своего сочинения он позаимствовал, по-видимому, из известной летописи XVII в. «Эрдэнийн Тобчи» («Драгоценное сказание»), составленной потомком знатного рода ордосских князей Саган Сэцэном. По словам исследователя, «при этом некоторые места опущены, а процитированы только нужные с разночтениями в написании отдельных слов и букв, а также в расположении [изложенного материала]» [Өөлдийн ноёдын уг эх 2010: 12]. Он приводит на стр. 12 — начале стр. 14 десять таких разночтений. Одно единственное сообщение, которое отсутствует в «Эрдэнийн Тобчи», но встречается в ойратском сочинении, такое: «Бурхан багши (т. е. Будда Шакьямуни. — В. С.) усмирил шестерых еретических вероучителей».

Заключительная часть его, т. е. 7-я часть сочинения, как установил издатель рукописи Ц. Цэрэндорж, списана с главы 77 и 78-й (глава 61 и 62 раздела «Биографий») одного из важных китайских источников цинского периода, известного в монголоведении под названием «Илэтхэл шастир». Полное его название в переводе с монгольского значит «Высочайше утвержденные родословные и биографии ванов и гунов (князя различных степеней. — В. С.) Внешней Монголии и Туркестана». Он представляет собой своеобразный справочник по генеалогии и биографиям монгольских, ойратских и восточнотуркестанских князей, выходивший на трех официальных языках Цинской империи: маньчжурском, китайском и монгольском [Санчилов 1969]. В Приложении к своей публикации Ц. Цэрэндорж поместил две биографии элётских князей и их потомков, поселенных в Халхе, из глав 61 и 62 «Илэтхэл шастир» в переводе на современный монгольский язык кириллицей [Өөлдийн ноёдын уг эх 2010: 134–149]. При ближайшем рассмотрении, как он выяснил, данный раздел ойратского сочинения, где также говорится об этих князьях, был заимствован из «Илэтхэл шастир». При этом текст слегка дополнен и в него внесены отдельные изменения. В нем из-за этого обнаруживаются разночтения в отдельных словах

и их написании (*үг үгсийн зөрөө*), к тому же это часто приводит к несоответствию в содержании указанных сочинений [Өөлдийн ноёдын уг эх 2010: 14, 15].

Однако исследователей ойратской истории может привлечь родоплеменная история, содержащаяся в 6-й части, в которой говорится о родословной элётских (джунгарских) князей. Правда, в ней речь идет не обо всех князьях элётов и их потомках, а только о той небольшой ветви ойратов-джунгаров, которой удалось уцелеть, оказавшись в силу исторических обстоятельств на территории Халхи. В основном это потомки князей элётского Южного хошуна, присоединенного цинскими властями к Сайн-нойон-хановскому аймаку Халхи. Автора интересует история князей только двух элётских хошунов Халхи, и он опирается только на их родовые генеалогии.

Данное обстоятельство, очевидно, повлияло и на авторскую позицию, побудив его назвать в своем сочинении, написанном в Халхе, князей ойратов-элётов потомками Дува-Сохора, чего нет в сочинениях других монгольских и ойратских авторов, в том числе и калмыцких. В соответствии с древнейшими традициями в степном поясе Центральной Азии правители кочевников легитимизировали свою власть посредством этногенетических мифов. Аристократический род монголов, согласно их древним родословным, вел свое происхождение от Бодончара (в нашем источнике он назван Борджигидай-мэргэном), у которого было двое сыновей: старший Дува-Сохор и младший Добу-Мэргэн. Как сообщает автор сочинения, «беря начало от Добу-Мэргэна, возрождавшись в образе Чингис-хана, развивался род князей Халхи», а «беря начало от Дува-Сохора — род князей ойратов-элётов». Здесь явно проглядывает желание автора возвеличить происхождение собственных князей и уравнивать их в знатности с князьями-чингисидами Халхи.

Известно, что самым общеизвестным и широко распространенным из ойратских этногенетических мифов является миф о происхождении рода *Чорос* (*Цорос*), правящего рода средневековых джунгаров и дэрбэтов. Он передан в разных, близких по содержанию вариантах в письменных и устных преданиях, что свидетельствует о глубинном родстве двух видов словесного искусства — архаичного историописания и эпоса. Одну из таких легенд, имевших широкое

распространение в Северо-Западной Монголии еще в начале XX в., записал и опубликовал в русском переводе в своей статье монголист А. В. Бурдуков [Бурдуков 1911: 54–59].

Версию легенды о происхождении знатного рода *Чорос* (*Цорос*), сохранившуюся в источнике джунгарского происхождения, мы встречаем только в «Истории элётских князей», так как другие собственно джунгарские исторические сочинения до нас не дошли. Эта версия в сравнении с версиями из других источников более подробна и выделяется тем, что в ней прослеживается связь между предками ойратских племен и одним из родоначальников монголов — Дува-Сохором.

В ней говорится: «У Дува-Сохора было два сына — Доной догшин и Эмнэг эрх. У последнего — сын Бёё хан (букв. «хан-шаман». — В. С.). Его звали так потому, что в то время религия еще не распространилась, а знающих, обладающих предчувствием (т. е. обладающих экстрасенсорными способностями. — В. С.) людей называли «бөө» («шаманами»). Ставший известным как Бёё хан, он, подобно овладевшему мужскими занятиями и достигшему зрелости доброму молодцу, постоянно носил на плечах золотое белое *ормоо* (по-видимому, речь идет о разновидности ружья. — В. С.), ездил верхом на сине-сером, как облако, коне, оставлял [свою] казну на вершине горы *Эрээн Хабирга*, а сам в одиночку охотился в лесу. Между тем, на вершине той горы было одно заповедное озеро (*ариун нуур*), на которое в восьмой либо в пятнадцатый день в начале каждого месяца садился 501 лебедь. Когда среди них Бёё хан увидел одного отличающегося от других своим видом лебедя с красной головой, то он насторожился. Он расставил вокруг озера ловушки и в них попали все лебеди, прилетевшие, чтобы поклевать [приманку]. Он всех их отпустил, оставив при себе только одного красноголового лебедя. Когда он собрался убить его, лебедь сказала: «Я была любимой дочерью владыки Хормусты-тэнгрия. Вместе с пятьюстами [людьми], отданными мне в приданое, я иногда прилетала сюда, чтобы искупаться в этом одиноко расположенном заповедном озере с целебной водой. Не лишай меня жизни». В ответ на эту просьбу [Бёё хан] сказал: «Если ты будешь жить со мной, став моей женой, то я не убью тебя. Если же нет, то я обязательно

тебя убью». Она сказала тогда: «Для меня лучше быть живой, чем убитой. Раз так, то жить в уединении и покое в окрестностях этого заповедного озера с целебной водой, не соприкасаясь с худшими из людей, наверное, это и есть предназначенная мне судьба». Бёё хан одобрил ее [слова] и не стал ее убивать. Тут из клетки для птиц вышла девушка невиданной красоты, от которой исходил чрезвычайно яркий свет. Она сделала так, что сам собой появился большой белый дворец-кибитка без веревки для крепления, слуги, и они, блаженствуя, стали жить в нем. Бёё хан раньше, когда охотился, проводил на охоте двое–трое суток и возвращался [домой]. Теперь же, когда он стал возвращаться через десять–двадцать суток, а то и через месяц с лишним, его прежняя жена, заподозрив [неладное], к хвосту сине-сивого, как облако, коня, на котором он ездил, привязала мешочек для пороха из прозрачной хлопчатобумажной ткани, насыпав туда красную краску. Когда Бёё хан поутру, в пред-рассветных сумерках, встал и отправился [из дома на гору], жена стала выслеживать его, идя там, где капала краска. Заметив, что на берегу озера возле белого дворца-кибитки стоит оседланный сивый, как облако, конь, она подкралась [туда] и, заглянув в дверь с правой стороны, увидела, что [во дворце-кибитке] сидит и расчесывает свои волосы женщина несравненной красоты. Когда вне себя от гнева она ворвалась [во дворец-кибитку], крича: «Почему ты, негодная женщина, ведя себя нескромно, обманщица, пользуясь хитростью, живешь [здесь] с моим мужем?», то та женщина внезапно испугалась и вылетела через верхнее круглое отверстие [дворца-кибитки]. В сердцах она произнесла: «Пусть лопнет куполообразная голова (букв. «голова-барабан». — В. С.). Пусть умрет Бёё хан». От этого гора Эрээн Хабирга задрожала, Бёё хан испугался и стал молиться, произнося «Богд, богд», тогда гора перестала трястись. Начиная с этого времени ее стали называть Богд Эрээн Хабирга (букв. «Священная Эрээн Хавирга». — В. С.).

Так как тот дворец-кибитка вместе со слугами тут же исчез подобно радуге, то Бёё хан возвратился со своей первой женой обратно домой в свою кибитку и вскоре умер, а его народ в течение некоторого времени оставался без хана. Та небесная дева, собравшаяся вернуться в свою страну, была беременной, поэтому

она не смогла этого сделать. Она жила там, питаясь плодами, а по истечении срока родила мальчика. Она завернула его в чистые небесные мягкие шелка (*хив торго*), положила его в колыбель из сандалового дерева. Для вскармливания [младенца] она поместила ее так, чтобы капли целебного дождя-рашаана, скопившиеся на листьях дерева, попадали в рот [младенцу]. На верхушку дерева она посадила маленькую сову (*ууль шовуу*), чтобы та нянчила его, а рядом, наполнив водой, поставила толстую чашу с суживающимся кверху отверстием. Сама же мать улетела на небо, в свою страну. В то время два человека по имени Хючюгюд и Заамуд, охотясь на той горе, слышали в лесу изредка [доносившиеся] приятные голоса какой-то птицы и ребенка. Подкравшись, они увидели, что как только лежащий под деревом ребенок начинает плакать, то сидящая на вершине дерева сова подает голос, и ребенок перестает плакать. Увидев, что он пьет попадающую ему в рот дождевую воду, они [подумали:] «Этот особенный чудесный ребенок определенно является небесным мальчиком, рожденным от сожительства небесной девы и нашего Бёё хана. Давай-ка унесем его [отсюда], обмоём, накормим и воспитаем». Сказав так, они унесли его и вдвоем любовно вырастили его. Уже к восьми своим годам мальчик обучился мужским занятиям и различным искусным способам и премудростям. Он сделался столь совершенным, что когда [люди] смотрели на него, то видели, что он красив, обладает добрыми приметами (*бэлгэ чанар*) и воспринимается как человек со светлым, здоровым и проницательным умом. Хючюгюд и Заамуд каждый со своей стороны дали ему в жены [девушку]. После этого они все собрались вместе и договорились: «Мы одинаково низкого происхождения, кого поставим над собой в нойоны? Кто будет албату? Ведь он никто иной, как небесный мальчик, рожденный от связи небесной девы с нашим Бёё ханом». Они провозгласили его повелителем — нойоном над всеми, а так как его нянчила сова (*ууль шувуу*), то прозвали его Улиндай-Бадан-тайши. Поскольку чаша с суживающимся кверху отверстием была полна воды, то все единодушно сошлись во мнении, что он из рода Цорос и стали величать его «Сыном неба из рода *Цорос*, ханом Улиндай-Бадан-тайши» [Өөлдийн ноёдын уг эх 2010: 34–37].

Легенда о происхождении знатного рода джунгаров и дэрбэтов была известна и волжским калмыкам. Ее поместили в своих сочинениях калмыцкие историки Габан Шараб (в XVIII в.) и Батур-Убуши Тюмень (в XIX в.), выразив в них враждебное отношение к джунгарам. Габан Шараб написал, что «в рассуждениях дербетевых и зюнгаровых (джунгарских. — В. С.) владельцев» их предок, найденный под деревом, мог быть тенгрием. Однако тут же он поправляет себя, ссылаясь на мнение известного в то время у калмыков и пользовавшегося большим авторитетом духовного лица Алдара-габджу о том, что «охотником найденное дитя» было «дьявольским» [Габан Шараб 1969: 143].

В свою очередь хошутский нойон Батур-Убуши Тюмень, в своем сочинении рассказав о событиях, предшествовавших появлению на свет родоначальника джунгарских и дэрбэтских князей, не преминул отметить: «Вот отчего произошел злобный зюнгарский нутуг» [Батур-Убуши Тюмень 1969: 24].

В рассматриваемом нами сочинении новых и интересных данных мало. К числу таковых, отсутствующих в других источниках, можно отнести сообщения об обстоятельствах переименования горы *Эрээн Хабирга* в *Богд Эрээн Хабирга* («священная Эрээн Хабирга»), об имени Хара-Хула и некоторые другие. Поэтому вслед за Ц. Цэрэндорж это сочинение можно назвать «компиляцией или самостоятельным произведением» (*компиляци буюу нийлбэр зохиол*) [Өөлдийн ноёдын уг эх 2010: 23].

Литература

Өөлдийн ноёдын уг эх [түүх]. Монгол бичгээс хөрвүүлж, тайлбар, галиг, үгийн хэлхээ хийсэн Ц. Цэрэндорж. Улаанбаатар: Тод номын гэрэл төв, 2010. 149 с.

Батур-Убуши Тюмень. Сказание о дербен-ойратах // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе / сост. А. В. Бадмаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. С. 13–48.

Бурдуков А. В. Предание о происхождении дэрбэтских князей кости Цорос // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества. Т. XIV. Вып. 1–2 (1911). С. 54–59.

Габан Шараб. Сказание об ойратах // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе / сост. А. В. Бадмаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. С. 140–158.

Санчи́ров В. П. «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М.: Наука, ГРВЛ, 1990. 137 с.

Eminent Chinese of Ch'ing Period (1644–1912). Edited by Arthur W. Hummer. Vol. 1. A–O. Washington: United States Government Printing Office, 1943. 604 p.

References

Batur-Ubushi Tyumen. A History of the Dorben Oirats. In: Badmaev A. V. (comp.) Kalmyk Historical and Literary Monuments: Russian Translations. Elista: Kalmykia Book Publ., 1969. Pp. 13–48. (In Russ.)

Burdukov A. V. The Tale of Origins of Dorbet Princes Descending from the Tsoros Clan. *Trudy Troitskosavsko-Kyakhtinskogo otdeleniya Priamurskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva*. 1911. Vol. XIV. No. 1–2. Pp. 54–59. (In Russ.)

Gaban Sharab. A History of the Oirats. In: Badmaev A. V. (comp.) Kalmyk Historical and Literary Monuments: Russian Translations. Elista: Kalmykia Book Publ., 1969. Pp. 140–158. (In Russ.)

Hummer A. W. (ed.) Eminent Chinese of Ch'ing Period (1644–1912). Vol. 1: A–O. Washington: United States Government Printing Office, 1943. 604 p. (In Eng.)

Origins of Ööld [Dzungar] Lords and Princes. Chronicle. Ts. Tserendorj (translit., comment., etc.). Ulaanbaatar: Tod Nomyn Gerel, 2010. 149 p. (In Mong.)

Sanchirov V. P. Iletkhel Shastir as a Source in Oirat History. Moscow: Nauka — GRVL, 1990. 137 p. (In Russ.)